

МИХАИЛ ВОСТРЫШЕВ

ЧАСТНАЯ ЖИЗНЬ
МОСКВИЧЕЙ ИЗ ВЕКА В
ВЕК

Московский путеводитель

Михаил Вострышев

**Частная жизнь
москвичей из века в век**

«Алисторус»

2007

УДК 908(470-25)
ББК 63.3(2)-Москва

Вострышев М. И.

Частная жизнь москвичей из века в век / М. И. Вострышев —
«Алисторус», 2007 — (Московский путеводитель)

ISBN 978-5-9265-0360-6

В книге открывается полная картина московского быта XVI – начала XX века. Это управление городом, создание и совершенствование охраны порядка, характерные преступления и работа полицейского сыска, развитие медицины и спорта, клубная жизнь и торговые обычаи, православные праздники и народные гулянья... Москва была единственным городом, где можно было дать детям русское воспитание, внушить любовь к Отечеству, родному языку. Писатель, сравнивая увлечения москвичей дореволюционного времени и их далеких предков, показывает город в его постоянном развитии.

УДК 908(470-25)
ББК 63.3(2)-Москва

ISBN 978-5-9265-0360-6

© Вострышев М. И., 2007
© Алисторус, 2007

Содержание

Сердце России	6
Власть	13
Боярская дума и Земский собор	19
Городская дума	23
Жилище	27
Изменчивость погоды	35
Конец ознакомительного фрагмента.	37

М. И. Вострышев

Частная жизнь москвичей из века в век

© Вострышев., 2007

© ООО «Алгоритм-Книга», 2007

Сердце России

*Как часто в горестной разлуке,
В моей блуждающей судьбе,
Москва, я думал о тебе!
Москва... как много в этом звуке
Для сердца русского слилось!
Как много в нем отозвалось!*

А. С. Пушкин

Москва – всем городам мать. Москва – царство. Москва не город, а целый мир. Москва у всей Руси под горой – в нее всё катится. Из Москвы, как с большой горы, всё видать. Кто в Москве не бывал – красоты не видал. Москва – сердце России.

Так говорил народ. Значит, эти поговорки – не пустые фразы, а житейская мудрость, накапливавшийся веками опыт русского человека.

Исполинским амфитеатром нависают над центром столицы Воробьевы горы. Прямо под ними, на пойменном левом берегу Москвы-реки, раскинулся самый крупный в России стадион «Лужники». А еще каких-нибудь лет сто назад там, в Лужнецкой слободе, были лишь огороды да знаменитый Вавилон-колодец – *морское ухо*, которое, по местному преданию, со временем затопит весь город. Чуть левее – Новодевичий монастырь, чья история тесно связана с возвышением Московского государства и превращением его в мощную империю. На дальнем плане дугою встали высотные дома середины XX века, а среди облаков парит шпиль Останкинской телебашни. А вот и Кремль – золотая корона города на Боровицком холме, сверкающая куполами старинных соборов.

Множество мест первопрестольной столицы имеет свой неповторимый, милый сердцу отпечаток. На правом, низком, берегу Москвы-реки, в ее излучине, напротив древнейшего центра города, раскинулось Замоскворечье со своими невысокими причудливыми домиками, выстроенными купцами и мещанами, со знаменитой Третьяковской галереей, множеством торжественных храмов в тихих переулочках. Здесь *особая страна*, как выразился уроженец Замоскворечья А. Н. Островский.

Москва со своими парками и бульварами, прудами и речками, дворянскими особняками и дворами жилых домов создает самобытную, живописную, ни с чем не сравнимую панораму. Кусково, Останкино, Измайлово, Ховрино, Косино, Арбат, Крутицы... Нет, невозможно перечислить все городские окрестности, в которых сохраняется дух славного прошлого России. Русскую историю здесь можно изучать, прохаживаясь по переулкам, разглядывая старинные дома и храмы, вникая в смысл названий улиц и площадей.

По правую сторону от Кремля через Москву-реку перекинулся каменный мост, а по левую – деревянный. С них хорошо видны старинные русские монастыри, в давние времена вставшие полукругом настороже центра Московии от западных, южных и восточных соседей, время от времени любивших пополнить свою казну русскими рабами и русским хлебом. Когда же Россия окрепла и отпала нужда в толстых крепостных стенах, в монастырях расположились богадельни, инвалидные дома и даже *места заключения*, изрядно потеснив ворчливых монастырских служителей.

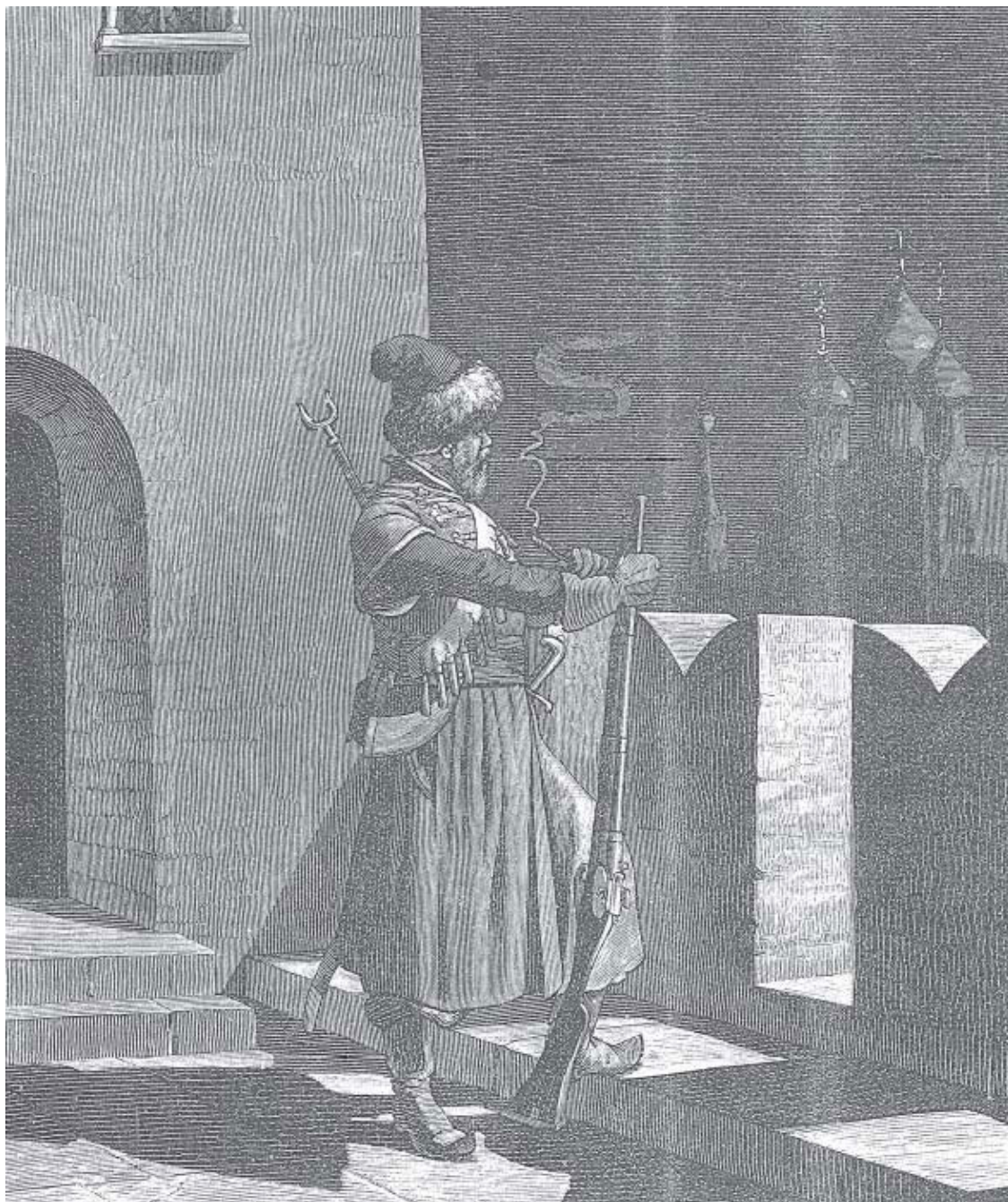
Но прошлое продолжало жить за монастырскими стенами. Любопытным иноземцам и московской празднующейся публике в Новодевичьем с гордостью показывали келью, где у своей сестры жил отрекавшийся до поры до времени от престола боярин Борис Годунов. В Андрониковом провожали в храм Покрова, расписанный великим Рублевым. В Симоновой

указывали на Старую обитель, где покоится прах иноков – героев Куликовской битвы – Пересвета и Осляби.

В Москве нередки чудаки, свято хранящие память о прошлом, по камням минувших веков читающие стародавние были о славных подвигах и подлых деяниях своих предков. И удивительное: слушая предания о минувшем, нет-нет да и вспомнится нынешний день, и не всегда в пользу последнего. Случается и еще дивнее: государи во всем своем могуществе набрасываются на прошлое, учуяв в нем крамолу, – сжигают архивы, увечат камень, рвут языки, – но не в силах уморить начисто старушку Историю, она каждый раз помаленьку поправляется и вновь набирает силу.

Так в гордом Петербурге в конце XVIII века приказано было предать забвению стрелецкие буйства столетней давности, дабы подданные невзначай не задумались: «А не попробовать ли вновь?..» Пусть лучше ходят в нововыстроенный цирк, где уроженец Сардинии Доминик Ферранд забавляется со своими зверями.

Так и послушается Москва Петербурга! Да москвичи назло часами будут беседовать о милой старине. Один поведет вас в Кремль, на Соборную площадь, и будет вспоминать, что на этом месте стоял когда-то его прадед с другими стрельцами, а с Красного крыльца с криками «Любо вам, братья?!», раскачав, бросали им первых царских советников. «Любо!» – ревели в ответ стрельцы, подхватывая на пики очередного боярина. Другой укажет из окон своего дома на Сретенке на Сухареву башню, построенную Петром Великим в честь стрелецкого полковника, не изменившего в трудную для царя минуту. Третий, двуперстно крестясь, расскажет о благолепии староверческих часовен, где казненные *Петром-крокодил* стрельцы почитаются за святых. Мученическую приняли они смерть и после нее не нашли успокоения, ибо головы их понатыкали на стенах Белого и Земляного города. «Что ни зубец, то стрелец», – сложил печальную поговорку народ и, затаив лютую обиду на власть, жаждал вновь услышать набатный гул колоколов, сзывающий московский люд на мятеж.

Стража в Московском Кремле

Два века назад составитель «Географического словаря Российского государства» Афанасий Щекатов утверждал: «Москва – первопрестольная столица всея России, известная своей древностью и пространством, знаменитая многолюдством и великолепнейшими зданиями, славная достопамятными происшествиями, в разные времена в ней случившимися, и рождением в стенах ее великих государей, незабвенных патриотов и мужей бессмертных, по справедливости почитаемая в числе главнейших городов Европы».

У Москвы нет правильной и строгой красоты европейского города. Ее красота – это красота усадьбы, монастыря, переулка, базара. Всё в ней смешано, перепутано; каждый уголок имеет свою особенную историю, свои предания и тайны.

«Кто был в Москве, знает Россию», – эти слова Карамзина не легковесное хвастовство старого московского жителя, а зрелое умозаключение знаменитого историографа.

Как-то быстро и невозвратно этот небольшой городок Суздальской земли стал центром обширного государства, собрал вокруг себя и удержал большинство исконных русских земель. И хотя в начале XVIII века белокаменная кружевница потеряла блеск царского двора, переселившегося в Северную столицу, но навсегда осталась средоточием народной жизни.

Отсюда летом разлетались по всей Русской земле вести, слухи, легенды, а зимой они вновь собирались в Москву.

В отставной столице во времена Карамзина, Пушкина, молодого Толстого доживали свой век опальные вельможи, все те, кто когда-то *был в случае* при императорском дворе, но не удержался на вершине власти.

В старушку Москву со всех российских губерний стекались крестьяне со своим нехитрым товаром и думами, мучившими их мужицкие головы.

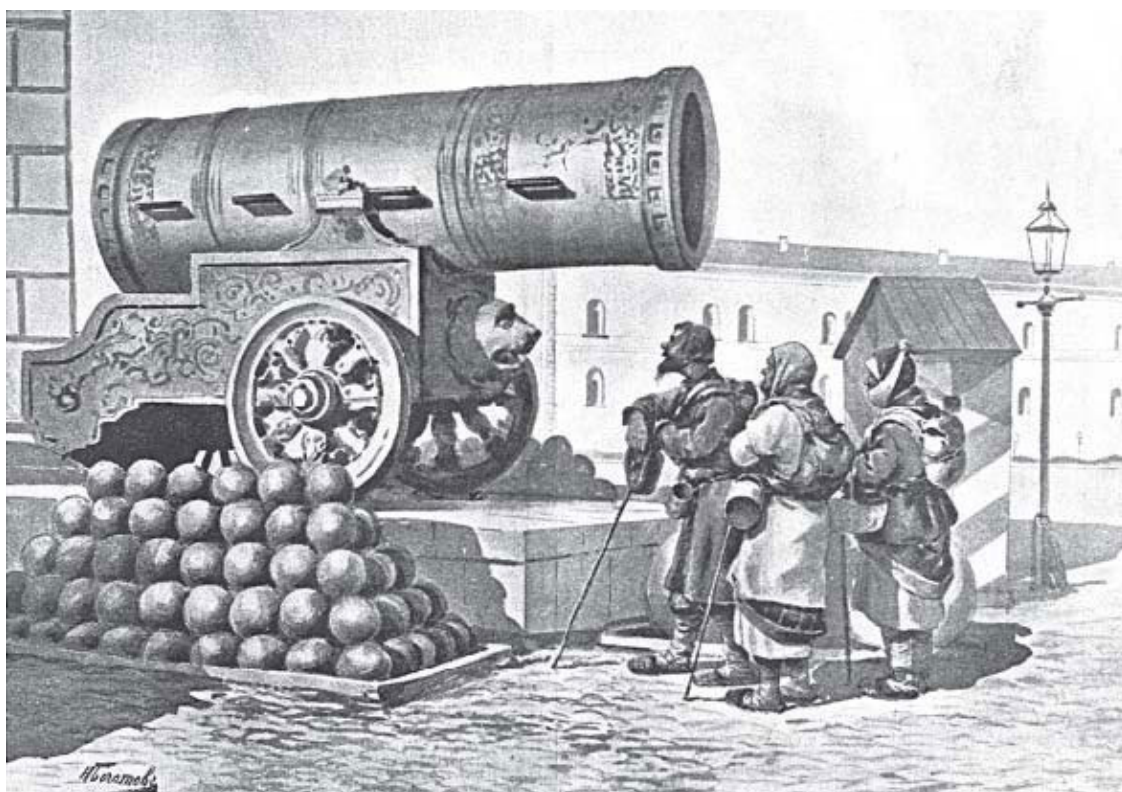
В древний город, где азиатская роскошь соседствовала с европейской философией, из близких и самых дальних уголков России спешили помещики и помещицы, дабы пристроить сыновей к учению, а дочерям присмотреть женихов.

В богоспасаемый град, известный своей неумной благотворительностью, брели пыльными дорогами оброчные дворовые, бродяги, калики.

Одни мечтали здесь разбогатеть, другие хотели поведать сердобольным москвичам о своих мытарствах, третьи поклониться православным святыням.

Москва принимала всех. Она походила на вольную республику в самодержавной России.

Это был единственный город, где можно было дать детям русское воспитание, внушить любовь к Отечеству, уважение к родному языку.

Здесь – богатейшие хранилища древностей, первые научные общества, ценнейшие собрания российских древностей. Здесь создавались книги и журналы, по которым училась читать вся Россия; университет, возведенный высочайшим указом от 5 ноября 1804 года в степень первого в державе высшего училища.

Здесь дышалось воздухом свободы, с которым был незнаком затянутый в военный мундир и департаментский фрак Петербург.

Здесь по Остоженке, Тверскому бульвару, Ильинке в армяках, салопях, зипунах гуляли москвичи, чья жизнь и дела придавали первопрестольной столице неповторимый, удивительный лик.

Деятнадцатый век принес в Москву особый дух крупного предпринимательства, щедрого меценатства, искренней благотворительности. Каждый год был отмечен появлением новых заводов и фабрик, театров и музеев, богаделен и больниц, домов дешевых квартир и приютов. Москвичи строили доброту – на века. И главным человеком в городе, несмотря на обилие праздных людей, был человек труда.

Московский простолюдин просыпался рано – в четыре часа утра, когда колокола зазвонят к заутрене. Богомольная баба спешит в приходскую церковь, бакалейщик собирается в свою лавку, ванька-извозчик запрягает старого коняшку в сани, нищие и кликуши пробираются к своим законным местам на паперти. Фабричный в эти минуты досматривает последний сон, с ленцой потягивается на полатах, оттягивая неизбежную минуту, когда придется поторапливаться к станку.

Но, наконец, наступает день, которого долго ждут трудолюбивые москвичи – праздник. Вольность и веселье, смех и беспечность, удаль и буйство, потеха и пестрота озаряют жизнь горожан. Умеет повеселиться *горбатая старушка Москва*, богатая хлебом, острыми языками и темными делами. Умеет она показать, что бьет с носка, когда Питер бока вытер. Потому-то не хвались в Москву – хвались из Москвы.

Издавна полюбился москвичам развеселый зимний праздник Масленица. Еще в давние времена в первый день Масленицы у Лобного места всенародно объявляли, что великий государь Алексей Михайлович зовет к себе нищую братию и людей скудных *хлеба есть*. Иногда на этот зов собиралось в царские палаты несколько тысяч человек. Царские стольники, стряпчие и жильцы *носили ествы и питье*, прислуживая государевым гостям. Сам Алексей Михайлович нередко кушал в кругу нищей братии и по окончании стола свое-ручно оделял всех денежной милостыней.

На Разгуляе в трактире на перекрестке четырех дорог, под Новинским в балаганах со сбитнем и бузой, в Сокольниках у многочисленных длинных столов и в шатрах – ешь до икоты, пей до перхоты, пой до надсады, пляши до упаду.

У каждого народного праздника, гулянья было свое место, время, традиции. Русский человек любил скитаться, переезжать с места на место, и каждый мечтал посетить Москву. Здесь всегда было множество жителей самых различных губерний. Оттого и веселье было, как нигде, разнообразно – каждый приезжий привносил в праздник толику своего опыта и умения. Каждый мог выбрать, где и как ему повеселиться.

На Пресненских прудах издавна любили кататься на шлюпках и кормить жирных карпов. На Ходынском и Донском полях летом, а на Шаболовке и в Покровском зимой собирались в праздничные дни любители рысистых бегов. В Лефортове не смолкали звуки гармони, рассказы бывалых людей, шум играющих в орлянку. Первого августа на Трубе и Самотеке особенно звонко пелось в хороводе и удачливо гадалось на венки, брошенные в воду. Первого мая гуляли в Сокольниках на *немецких станах*. Здесь еще в начале девятнадцатого века можно было увидеть рядом с вельможными китайскими и турецкими палатками, в которых были накрыты столы для роскошной трапезы, хворостяные, чуть прикрытые сверху тряпками шалаши рабочего люда, в которых дымились самовары.

Душа москвича в праздник ощущала свободу и радость, отдохновение от тяжелых трудов. Но кончался день потехи, и Москва вновь погружалась в будничную, повседневную жизнь. Бородатые дворники раскидывали снег возле домов и следили за благопристойным поведением жителей, гимназисты с ранцами спешили на уроки, в Охотном ряду отворялись лавки,

на Сухаревке букинисты торговали редкостями, у Рогожской заставы, на Пресне, в Бутырках начинали дымить фабричные трубы.

Двадцатый век во многом изменил облик и быт Москвы. Одним горожанам перемены нравились, другие жалели безвозвратно ушедший старинный уклад жизни. Ничего не поделаешь – всем не угодишь. Москва слезам не верит, она кому мать, кому мачеха. Москва веками строилась, и душу ее уничтожить ни у кого не хватит сил. Она стала многомиллионным цивилизованным городом, центром российской науки, просвещения, искусства, технического прогресса и даже спорта.

И все же у нее сохранилась тяга к родной старине. Многие районы исторического центра – Остоженка, Сретенка, Китай-город и другие – напоминают нам не только о сегодняшнем дне, но и о седой старине. Вновь красуются, радуя глаз москвичей и гостей столицы, уничтоженные в 1930-е годы исторические памятники каменной летописи города: Казанский собор на Красной площади, Воскресенские ворота Китай-города с Иверской часовней, Красное крыльцо у Грановитой палаты, храм Христа Спасителя...

Каждая московская улочка, каждый храм являются хранителями священного прошлого, духовного и вещественного богатства могучего Русского государства. Здесь под балдахином, в порфире и короне, со скипетром и державой в руках, присягали на верность Отечеству российские цари. Здесь, облаченные в одежды святых предшественников, принимали символы патриаршей власти первоиерархи Русской Церкви. Здесь были собраны величайшие православные святые. Каждый богомолец, будь он коренной москвич или паломник с далекой окраины, был неразрывно связан с благочестивыми обычаями и преданиями, веками складывавшимися в богоспасаемой столице – городе нашей церковной славы.

Народная мудрость гласит: в рай входят святой милостыней – нищий богатым питается, а богатый нищего молитвой спасается. Москва во все века славилась неумной заботой о духовном и телесном здоровье ближнего. Именно здесь были построены дворцы для простолюди-

нов – для тех, кто за неимением средств насущных не мог более надеяться на себя. Тому пример – Странноприимный Шереметевский дом, ныне продолжающий свое милосердное дело под именем Научно-исследовательского института скорой помощи имени Н. В. Склифосовского, а также сотни приютов, богаделен, домов дешевых квартир, благотворительных обществ и филантропических заведений. Москва являлась в России самой большой Обителью милосердия и, хочется надеяться, снова станет ею в будущем.

Многострадальный XX век тяжелым катком прошелся по улицам и площадям Москвы, уничтожив сотни дивных храмов, стерев с лица земли многие дворянские усадьбы и сады, распродав за границу тысячи бесценных произведений живописи и ювелирного искусства, изгнав за пределы Родины многие тысячи коренных москвичей. Но, несмотря на все тяжелые испытания, наша столица осталась символом могущества Отечества. Здесь построена первая в стране Шуховская радиобашня, а сорок пять лет спустя появилась на свет и ее младшая сестра, издаലെка заметная – Останкинская телевизионная башня. Здесь в 1935 году были открыты первые станции русского метрополитена, многие из которых напоминают причудливый музей шедевров архитектуры. Здесь предстали во всей своей первозданной красе отреставрированные заботливой рукой мастеров Московский Кремль, Свято-Данилов монастырь, многие храмы и старинные особняки...

Москва первой остановила врага в лихие годы Отечественной войны 1812 года и Великой Отечественной войны. Москва первой восторженно встречала победителей Арктики, покорителей космоса. Здесь жили и продолжают жить многие тысячи знаменитых и незаметных героев, своим трудом прославившие Россию во всем мире.

И слова «ушедшая Москва», «современный город», «будущее столицы» должны слиться в единое целое, имя которому – вечность.

Ведь Москва – не застывшее изваяние, а живое, постоянно меняющееся творение наших предков, современников и потомков.

Константин Симонов с высокой гордостью писал о нашей столице и ее Красной площади:

Полночь бьет над Спасскими воротами,
Хорошо, уставши кочевать
И обветрясь всякими широтами,
Снова в центре мира постоять!

Поспешим же побывать в «центре мира» – Вечном городе Москве!

Власть

*Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.*

Г. Р. Державин

Верховная власть в Москве в стародавние времена принадлежала исключительно великому князю, а позже – царю. Его первым советником в управлении столицей, да и всем государством была Боярская дума, о чем говорит и обычай начинать каждый указ словами: «По указу великого государя бояре приговорили». Правда, в XIII и XIV веках большую власть имели и тысяцкие, возглавлявшие ополчение («тысячу»). Но после смерти московского тысяцкого Василия Васильевича Воронцова-Вельяминова († 17 сентября 1373 г.) Великий князь Дмитрий Донской упразднил эту должность. Вместо нее учредили должность «большого наместника московского», обязанности которого были близки к обязанностям тысяцкого, но он находился в большей зависимости от великого князя.

Главная же исполнительная власть, с которой сталкивались москвичи – приказы, впервые появившиеся в 1512 году. В XVII веке существовало около сорока приказов, среди которых – Посольский, занимавшийся международной дипломатией, Разрядный, назначавший служилым людям поместья и денежное довольство, Преображенский, вершивший политический сыск и суд, Монастырский, Аптекарский, Стрелецкий, Ямской и многие другие. Большинство приказов размещались в Московском Кремле в избах на Ивановской площади.

Против алтаря Архангельского собора тянулся ряд зданий в виде огромной буквы «П». Все они были деревянными, в два этажа, украшенные резьбой...

С раннего утра оживает площадь перед приказами, толпится народ. Двери еще закрыты, и просители разбрелись кучками по площади, но больше всего столпилось у «святого Ивана под колоколами», где раскинута палатка подъячих. Сами они уже за работой. Один пишет «подрядную запись» для пяти дюжих ямщиков, взявшихся возить бутовый камень на аптекарский двор. Бумага скоро будет готова, и подрядчики готовят мелкую деньгу – плату за работу. Другой подъячий, положив на колено лист бумаги, пишет челобитную. Часто макая гусиное перо в чернильницу, которая висит у него на шее, он строчит привычные слова, только изредка задавая тот или иной вопрос стоящему перед ним просителю, посадскому человеку. Около палатки еще один подъячий о чем-то беседует с крестьянином, в руках которого красный узелок, откуда выглядывает связка бубликов и еще что-то. Вероятно, подъячий дает добрый совет, и на лице крестьянина расплывается довольная улыбка, он благодарно кланяется и передает за услугу «поминок» – свой узелок.

Ближе к приказам несколько человек столпилось вокруг осанистого седобородого старика, а тот подробно повествует, какой наказ давал ему стольник, когда посылал из своей вотчины в Москву по судным делам.

Уже половина восьмого, скоро откроются двери, толпа все прибывает. Со всех сторон спешат приказные подьячие, путаясь в своих длиннополых кафтанах. Некоторые из них ненадолго останавливаются поговорить со знакомыми челобитчиками, но большинство быстро расходятся по палатам. В комнатах душно, тесно, маленькие слюдяные окошки почти не дают света. Длинные узкие столы завалены бумагами, глиняными чернильницами и песочницами, лебяжьими перьями, клеем и воском для печатей.

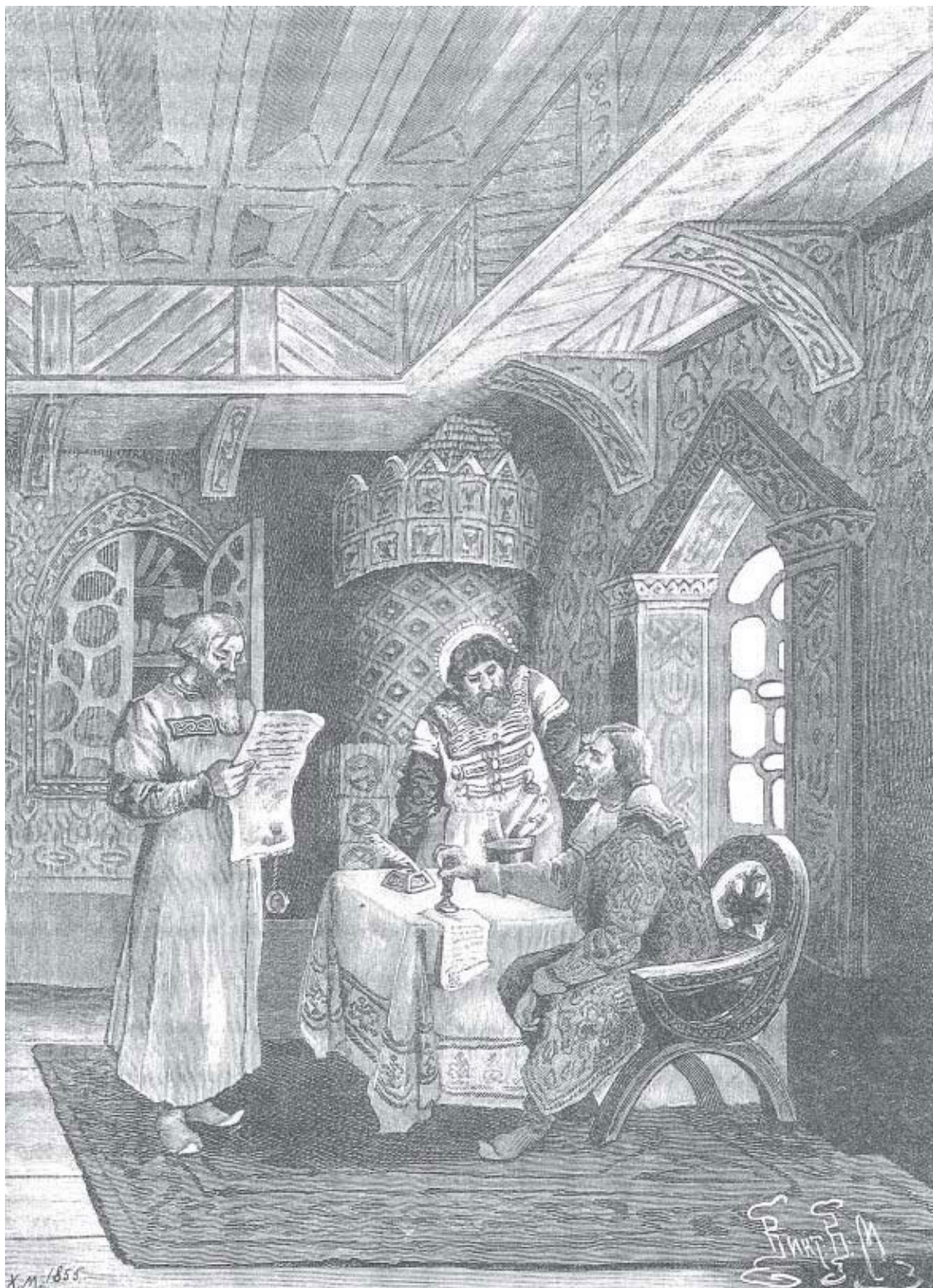
Относительным порядком и чистотой отличается казенка, где сидит судья с товарищами. Стол здесь покрыт красным сукном, на нем медная чернильница, а вечером появляются в медных тройных шандалах восковые свечи. К стенам придвинуты дубовые и липовые коробки, где хранятся приказные дела.

В казенке никого нет – начальные люди еще не приезжали, а в других помещениях уже началась работа. Во главе каждого из столов сидит «старый подьячий» и распределяет работу между младшими, следит за ними, дает, когда потребуют, о каждом отзывы: можно ли ему поручить государево дело и «чаять ли от него проку».

Из подьячих «средней статьи» одни пишут приказные бумаги на узких листах, подклеивая их друг за другом, так что одно дело представляет длинную бумажную ленту. Другие «сидят у государевой казны», ведут книги расхода и прихода и в сложном счете пользуются косточками слив, которые всегда носят в мешочке у пояса.

Младшие подьячие чинят перья, наливают чернила, бегают в торговые ряды за покупками.

Но вот в дверях появляется дьяк в шубе и с палкою в руке. Перебрав бумаги, положенные для его просмотра, и скрепив некоторые из них подписью, он появляется в палате подьячих с царской бумагой в руках.

Дьяк на докладе у Великого князя

– Великий государь, – начинает он густым басом, – указал сказать во всех приказах подьячим, которые сидят у его денежной казны, чтобы им тех денег отнюдь себе не брать и в заим никому из той казны не давать, а учнут они делать против сего государева указа, быть им в жестоком наказании без всякой пощады.

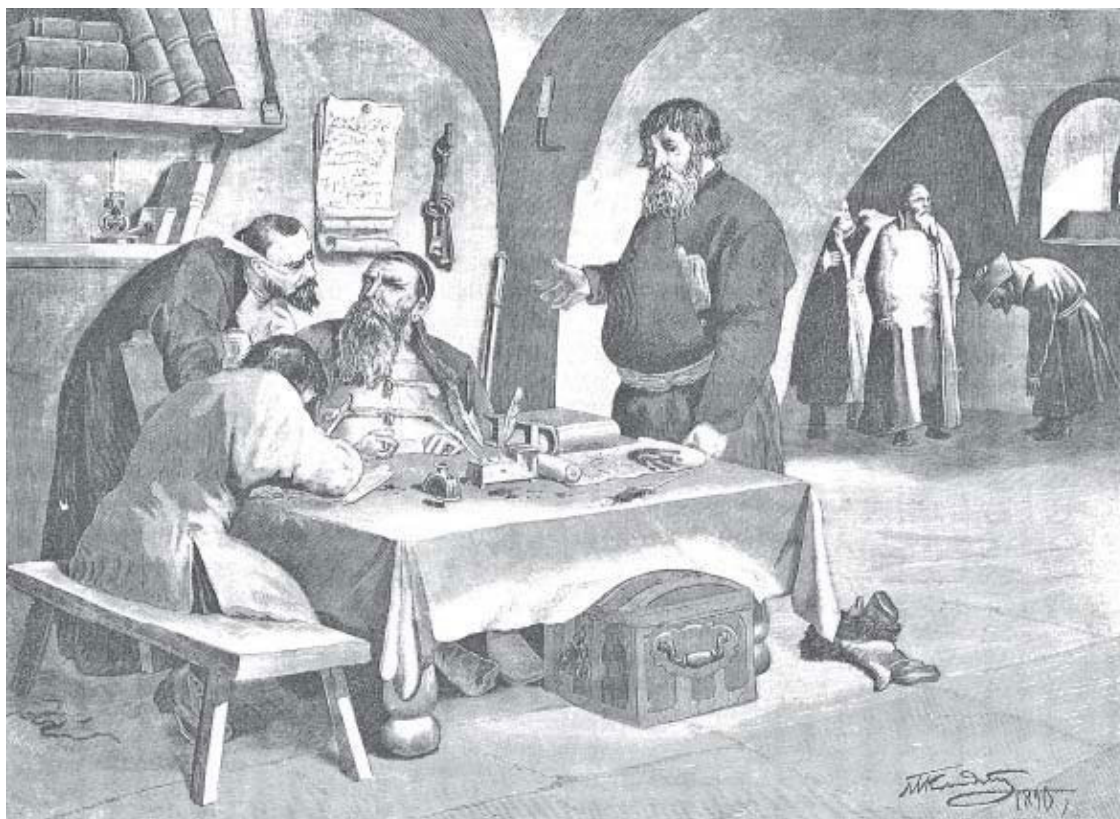
Подьячие начинают перешептываться, обсуждая новый указ, но приезд судьи и приказание пускать просителей обрывают эти разговоры.

В казенке судья с дьяком разбирают тяжбы. Жалобу прежде всего рассматривает дьяк и потом докладывает судье. Тяжущиеся отвечают на суде устно, «смирно и нешумно». Если судья найдет, что представленных доказательств с той и с другой стороны достаточно, то дело решается тотчас. В противном случае оно откладывается до следующего раза. Большинство просителей при выходе из казенки посылают не особенно добрые пожелания дьяку за волокиту и что готов с одного вола две шкуры снять. Но на эти возгласы досады никто не обращает внимания, всем известно, что дьяк – сила большая. Судьи выбираются из государевых служилых людей, им «приказное дело не в обычай», а дьяки сидят здесь лет по тридцать и больше, знают все законы и указы и любое запутанное дело могут вмиг распутать, правого обвинить, а виновного оправдать.

В два часа приказные люди расходятся по домам, чтобы пообедать и соснуть часок-другой по русскому обычаю. Но после четырех часов все снова должны быть на своих местах. Особые дозорщики записывают не явившихся и опоздавших в штрафную книгу.

Вечером в приказах гораздо тише – нет посетителей. Подьячие при тусклом свете сальных свечей спешат докончить бумаги, а то оставят на ночь дописывать, да еще однорядку снимут, чтобы не ушел. Только в десять часов приказные люди расходятся отдохнуть после долгой работы...

С перенесением главной столицы в Санкт-Петербург и учреждением в 1708 году губерний Москвой стали управлять царские наместники. Первым из них был боярин Тихон Никитич Стрешнев, поставленный московским губернатором 3 февраля 1709 года. Должность главного управляющего Москвой время от времени менялась в названии – главнокомандующий, военный губернатор, генерал-губернатор, но суть оставалась одной – начальник Москвы подчинялся напрямую императору и никому более.

Каждый московский градоначальник чем-нибудь да прославился в веках. Ростопчин – пожаром 1812 года, Закревский – борьбой с инакомыслием, великий князь Сергей Алексан-

дрович – женой (великой княгиней Елизаветой Федоровной, причисленной ныне к лику святых). Граф Захар Григорьевич Чернышев, командовавший городом в 1782–1784 годах, оставил о себе память борьбой с московской грязью, желанием, чтобы его город чистотой напоминал европейские, в которых он побывал, служа в русском посольстве в Вене, участвуя в заграничных военных походах и находясь в плену у прусского короля Фридриха II. Чернышев уничтожил топи и болота на городских реках, приказал спустить большинство прудов при обывательских домах, сломал мельницу и запруду в устье Неглинной, благодаря чему Моховая, Воздвиженка и начало Никитской освободились от непролазной грязи. Он построил на всех переходах через ров в Кремль каменные мосты: Боровицкий, Троицкий, Спасский и Никольский; проложил Мытищинский водопровод до Кузнецкого моста, начал поправлять Земляной и Компанейский (Камер-Коллежский) валы; поставил пятнадцать застав с кордегардиями, обозначив черту города... Да что говорить, и поныне московские градоначальники селятся в доме на Тверской площади, выстроенном из кирпича разобранной стены Белого города графом Чернышевым, а прилегающий к дому переулок носит его имя. Когда 29 августа 1784 года граф Чернышев умер, москвичи сокрушались: «Хоть бы он, наш батюшка, еще два годочка пожил. Мы бы Москву-то всю такую видели, как он отстроил наши лавки».

Не менее прославился на посту генерал-губернатора Москвы светлейший князь Дмитрий Владимирович Голицын, правивший Первопрестольной с 1820 по 1844 год и считавшийся воссоздателем прекрасного облика города, сильно пострадавшего от пожаров и вандализма 1812 года. Когда князь был назначен в Москву, от Никитских ворот через пустыри еще можно было увидеть Сущево, а с Болота через рвы и топи Павловскую больницу на Калужской. При нем древняя столица украсилась садами, парками и непрерывной цепью бульваров, пополнилась более чем десятком мостов, набережные Москвы-реки оделись в гранит, на площадях появились фонтаны с чистой мытищинской водой, истекавшей из резервуара на Сухаревой башне, был устроен первый в России пассаж (Голицынская галерея). Особенно же расцвели за время его градоначальства в христороливой Москве благотворительные заведения. Запомнился светлейший князь москвичам и в тяжелые годы, в 1831-м, когда город посетила холера, и в 1834-м, когда в течение двух месяцев не утихали пожары. И в тот и в другой раз Голицын сумел сохранить в Москве тишину и спокойствие, помочь жителям противостоять эпидемии и стихии. Умер светлейший князь, генерал от кавалерии и кавалер всех российских орденов, в Париже после двух операций в понедельник на Святую Пасху 1844 года, в самый, по народному поверью, блаженный для кончины день. Перед смертью несколько раз спрашивал врача: «Не правда ли, мы возвратимся в Москву? Вы меня здесь не оставите?» По славной дороге 1812 года, мимо Красного и Бородина возвращался он в гробу в свой город, чтобы найти вечный покой в Донском монастыре.

Племянник славных героев 1812 года братьев Тучковых, Павел Алексеевич Тучков правил городом в 1854–1864 годах. Москвичи, кто победнее, были благодарны ему за резкое снижение цен на дрова, учреждение комиссии для внезапного обследования мастерских по проверке отношений хозяев к малолетним ученикам, ужесточение наказаний нанимателям, неисправно платящим заработки рабочим. Те, кто побогаче, видели другую сторону благоденствия Тучкова – переустройство бульваров и мостовых, открытие Адресного стола, где можно было узнать местожительство любого москвича, начало работы телеграфа. Просвещенные граждане приветствовали основание Тучковым Городского статистического кабинета, училища для глухонемых и других новых учебных заведений. И буквально все знали и верили, что Тучков с женой Елизаветой Ивановной и детьми живет весьма скромно и не может себе и помыслить обогатиться за счет казны или взяток. Александр II, будучи в Москве, удивился, что генерал-губернатор не имеет обыкновенной дачи и на лето снимает ее у более богатых горожан в Петровском парке. Пришлось Москве, когда умер кристально честный генерал-губернатор,

открыть «подписку на расходы по погребению». Собранных денег хватило с лихвой, осталось даже на памятник над могилой в Новодевичьем монастыре.

Владимира Андреевича Долгорукова москвичи звали не иначе, как «удельный князь». Барин с чисто русской душой нараспашку и чисто русским хлебосольством, он управлял Москвой, как своей вотчиной. И оказалось, что в сложные годы коренного преобразования России он пришелся к месту, сглаживая острые углы недовольства реформами. Князь вступил в должность генерал-губернатора 30 августа 1865 года, вскоре после освобождения крестьян от крепостной зависимости. В «долгоруковскую эпоху» Москва стала свидетельницей коронации императора Александра III, освящения нововыстроенного храма Христа Спасителя, Всероссийской промышленной выставки. В это сложное, многим непонятное время, когда стремительно менялся привычный уклад не только политической, но и личной жизни, князь Долгоруков умел ладить и с исповедниками старого николаевского режима, жаждавшими реванша, и с правительственными чиновниками, превыше всего ставившими угождение капризам сегоднешних властителей, и с либералами, требовавшими все новых и новых уступок демократии. Его личный авторитет в глазах обывателей был выше и действеннее авторитета закона, и Москва, как никакой другой город России, довольно мирно переболела нелегким периодом решительных преобразований. Когда на восемьдесят первом году жизни он был уволен от должности и отправился для лечения за границу, то не прожил без любимого города и четырех месяцев, скончавшись 20 июня 1891 года. Долгоруковская эпоха Москвы, длившаяся более четверти века, отошла в прошлое.

После него высшая власть в Москве принадлежала великому князю Сергею Александровичу (26 февраля 1891 г. – 1 января 1905 г.), А. А. Козлову (14 апреля – 15 июля 1905 г.), П. П. Дурново (15 июля – 24 ноября 1905 г.), Ф. В. Дубасову (24 ноября 1905 г. – 5 июля 1906 г.), С. К. Гершельману (5 июля 1906 г. – 17 марта 1909 г.), В. Ф. Джунковскому (10 апреля 1909 г. – 25 января 1913 г.), А. А. Андрианову (11 июля 1914 г. – 5 мая 1915 г.), Ф. Ф. Юсупову (старшему) (5 мая – 3 сентября 1915 г.), И. И. Мрозовскому (2 октября 1915 г. – 1 марта 1917 г.). После победы Февральской революции главные начальники Москвы стали называться комиссарами, а после Октябрьского переворота председателями исполкома Моссовета. Но их власть в связи с переселением советского правительства из Петербурга в Москву была уже далеко не столь всеохватна, как у московских царей и генерал-губернаторов.

Боярская дума и Земский собор

Царь гладит, а бояре скребут.
Пословица

Дума ведет начало от стародавнего обычая русских князей совещаться о важных делах со своими главными дружинниками, или, как их звали, думцами. Когда-то такие совещания были обычаем, строго исполнявшимся князем. Но с усилением московских государей эти совещания, не представлявшие определенного законного учреждения, утратили свою обязательность. Боярская дума приобретала большое значение только при отсутствии государя в Москве или при его малолетстве.

И все же звание думного боярина было очень почетно, и получить его могли лишь самые сановитые бояре, да и то по достижению преклонных лет.

При назначении в члены Боярской думы царю всегда приходилось считаться с родовым старшинством бояр и жаловать многих в Думу «не по разуму их, а по великой породе», – как выразился знаменитый московский подьячий XVII века Григорий Котошихин.

Во второй половине XVII века «сидение великого государя с боярами о делах» происходило три раза в неделю: в понедельник, среду и пятницу. При накоплении же множества дел заседали и чаще. Царь, если он присутствовал на заседании Боярской думы, садился на трон, а остальные участники размещались поодаль на лавках.

Окольничие садились ниже бояр, думные дворяне – ниже окольничих, и в каждом из этих разрядов все размещались строго по знатности рода. Если же рядом оказывалось несколько человек одного рода, то старшие по годам садились выше младших. Думные же дьяки должны были и вовсе стоять. Если только заседание затягивалось, то по разрешению царя и они могли присесть.

Начинались заседания обычно ранним утром и длились до обедни, то есть до семи часов утра. Иногда продолжали заседание и вечером, перед всенощной. Собирались, где укажет государь. Обычно это происходило в Золотой палате.

Заседание обыкновенно открывалось обращением государя к думцам: «И вы, бояре и думные люди, помысля, к сему делу дайте способ». После недолгого чинного молчания вставал кто-нибудь из бояр и излагал свое мнение. Потом одни чинно возражали, а другие сидели молча, «бороды свои уставя, – как писал современник, – ничего не отвечают, потому что многие из них и грамоте не учены».

Царь и ближний боярин

Часто обмен мнениями переходил в горячий спор, продолжавшийся до тех пор, пока путем обоюдных уступок спорившие не приходили к общему решению. Тогда думный дьяк писал приговор, начинавшийся словами: «Великий государь, слушав докладной выписки, указал, и бояре приговорили...» Если же государь в Думе не присутствовал, то думный дьяк писал: «По указу великого государя бояре, той докладной выписки слушав, приговорили...» Когда государь не присутствовал в Думе, первое место принадлежало старшему по роду боярину, и тогда имя этого боярина упоминалось в записанном решении.

Чинный порядок заседаний нарушался только случаями вроде того, когда Василий III выгнал с заседания говорившего наперекор ему боярина, да случаями местничества, когда родовому самолюбию какого-нибудь думца покажется, что сосед не по праву занял место выше его. В такие споры вмешивались все, и дело доходило до шумного скандала, которого порой не мог унять даже государь.

Реже нарушался ход думских сидений хвастовством какого-нибудь не в меру загордившегося боярина. Переспорит его в деле другой, и тогда он начинает высчитывать свои прошлые заслуги, коря соперника в том, что он и десятой доли его трудов не сделал. Когда зайдет такой гордец в своих речах далеко, царь или просто велит ему замолчать, или, если рассердится, так велит нарушителя порядка вывести во двор. Так однажды поступил Алексей Михайлович со своим тестем боярином Милославским, когда тот вздумал похвалиться своими военными подвигами, которые только еще собирался совершить, если под его начало дадут войско.

Созывали свою Думу – Освященный собор – и московские митрополиты и патриархи, где присутствовало высшее духовенство.

Боярин

Иногда случались столь важные дела, что государь считал нужным созвать представителей всех своих владений на Земский собор. Первый такой Собор созвал царь Иван IV Грозный. Особенно часто собирал выборных людей со всего государства царь Михаил Федорович.

Выбирались представители на Собор из всех свободных сословий – дворяне, торговые и посадские люди. Кроме того, членами Земского собора являлись все представители Боярской думы и Освященного собора.

Открывал Земский собор обыкновенно царь. Выборным предъявляли вопросы, на которые они должны были дать ответ, но не от себя лично, а от всего сословия. Впрочем, не возбранялось и отдельным людям в письменном виде подать свое особое мнение. После того, как сословия определялись с ответами, их передавали для обсуждения в Боярскую думу, где под главенством царя сочинялись постановления, имевшие силу закона.

Самые значимые Земские соборы были не те, что созывал государь, обладавший абсолютной властью, а те, которые избирали царя – Бориса Годунова и особенно Михаила Федоровича.

Остальные же Соборы имели малое значение. Выборные даже часто в своих ответах выражались расплывчато и витиевато, предоставляя «государю и государевым боярам» решить вопрос по-своему. «Мы же, – заверяли они, – где государь укажет, на его государеву службу готовы, кому вмочь».

Земские соборы просуществовали меньше полутора столетий. При Михаиле Федоровиче их созывалось двенадцать, при Алексее Михайловича – четыре, а при Петре I о них уже и не вспоминали.

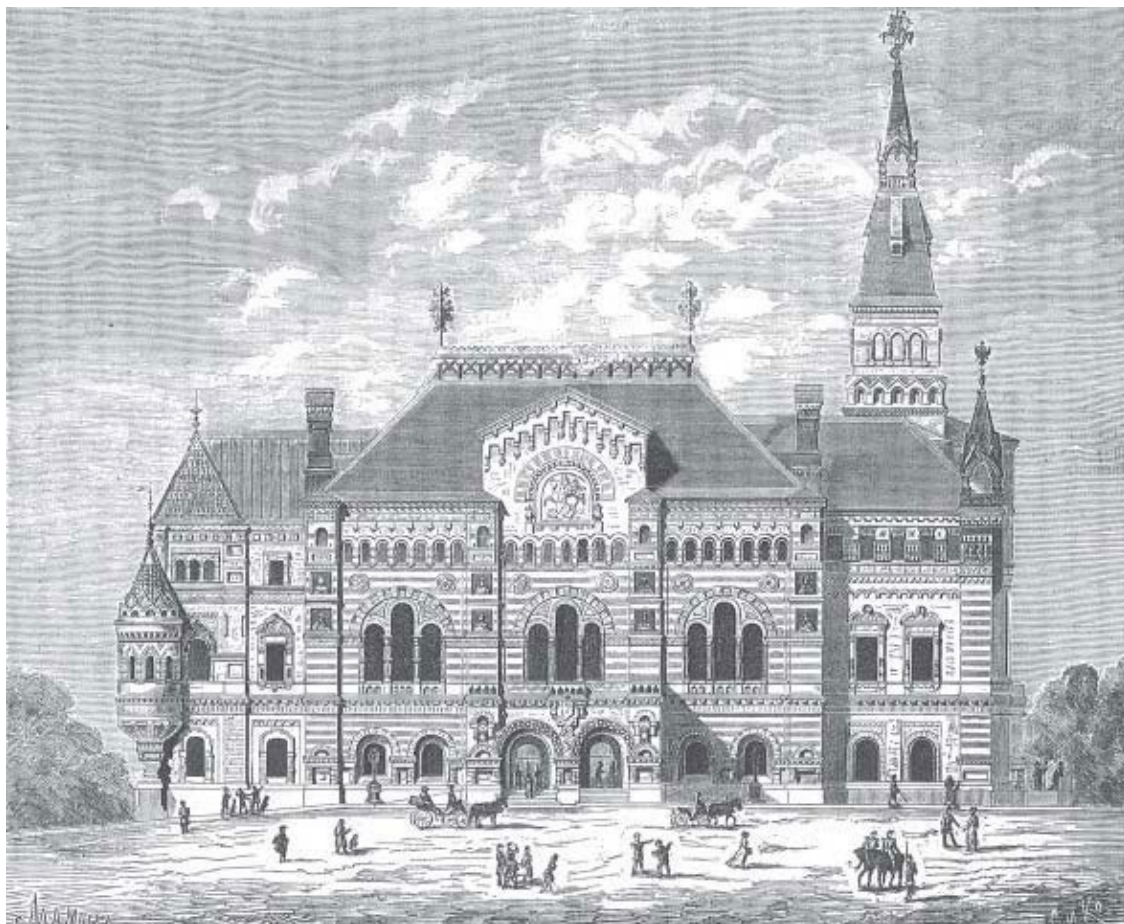
Городская дума

Дума – собрание чинов для каких-либо дел.
В. И. Даль

До конца XVII века городское управление было сосредоточено в руках «приказных и иных чиновных людей», которые заведовали благоустройством города, чинили суд, налагали поборы и регламентировали торговлю и промыслы. В 1699 году указом Петра I в Москве была учреждена Бурмистрова палата, вскоре переименованная в ратушу, с правом избирать в нее бурмистров из среды городских жителей. Впервые же городское общество признано юридическим лицом, обладающим правом собственности на общественное имущество и правом установления правил, обязательных для всех жителей, в опубликованной 21 апреля 1785 года «грамоте на права и выгоды городов Российской империи».

Надо заметить, что должность городского головы¹ появилась раньше, чем была учреждена Дума. Она установлена 14 декабря 1766 года манифестом о создании «комиссии для сочинения проекта нового Уложения». Единственной обязанностью городского головы было председательствовать при выборе депутатов от города в состав создаваемой комиссии. Первого московского городского голову избирали поверенные от домовладельцев в доме графа А. Г. Орлова-Чесменского в Немецкой слободе 25 апреля 1767 года. На двухлетний срок тогда выбрали князя Александра Алексеевича Вяземского. О какой-либо деятельности первых городских голов ничего не известно, но архивные документы подтверждают, что их переборы каждый раз на двухлетний срок происходили трижды. Новое значение должность городского головы получила после утверждения Екатериной II 7 ноября 1775 года губернской реформы («Учреждение для управления губерний Российской империи»). Он стал председательствовать в появившемся Сиротском суде, и на него была возложена обязанность «попечения об оставшихся после городских жителей вдовах и осиротевших малолетних детях, находящихся без призрения». Выборы городского головы было предложено производить городскому обществу раз в три года. Согласно этим узаконениям и в связи с открытием Московской губернии поверенными от купечества и мещанства на должность городского головы 10 октября 1782 года был избран именитый гражданин Демид Демидович Мещанинов.

¹ До 1863 года городские головы назывались градскими главами.

Проект здания Московской думы

Московская дума была открыта 15 января 1786 года и, не успев приступить к делам, тотчас попала в тяжелый финансовый кризис. Итог первого года работы городского самоуправления оказался плачевным: «Требование Шестигласной думы² приемлются без надлежащего уважения, а по недавнему учреждению едва только и считается ли Городская дума в числе прочих в Москве присутственных мест».

В 1799 году был введен «Устав столичного города Москвы» с учреждением вместо Думы Ратгауза из правительственных и выборных чиновников с президентом во главе. Должность городского головы была упразднена. Это нововведение императора Павла I отменили вскоре после царевубийства – 2 апреля 1801 года, с подтверждением грамоты 1785 года.

Вся работа Думы зависела от деятельности городского головы. На эту должность почти всегда выбирали всеми уважаемого человека из числа купцов первой гильдии. Понимали, что, как гласит пословица, каков поп – таков и приход. Особенно наглядно это стало заметно, когда городское хозяйство в 1843 году возглавил, став городским головой, А. П. Шестов. За время его службы мещанское и ремесленное сословия впервые получили самостоятельность и независимость. Шестов приобрел громадное уважение среди городской бедноты тем, что не отмахивался, как его предшественники, от их нужд. К нему часто обращались за разрешением споров. Одного его слова часто было достаточно, чтобы прекратить тяжбу.

Шестов взял под свою защиту все тягловое городское общество: «Ни один московский купец и мещанин, взятый в полицию, не может быть окончательно обвинен или оправдан без приговора общества и его головы». Именно на борьбу с самоуправством полиции уходили

² Это название Дума получила в связи с тем, что в нее избирались шесть гласных, которые под председательством головы заведовали городском хозяйством.

основные силы и отвага Шестова. Боролся он и с казнокрадством в городском хозяйстве, в чем заручился поддержкой генерал-губернатора князя Д. В. Голицына, благоволившего к «дедушке Андрею», как звали своего городского голову московские обыватели.

В 1862 году было введено новое «Положение городского устройства Москвы». Установлены пять сословий (потомственные дворяне, личные дворяне, купцы, мещане и ремесленники), управление каждого из которых возлагалось на свою сословную Управу. Для ведения же общегородских учредили Общую думу, куда каждое сословие через сто человек своих выборных избирало из своей среды 35 гласных. Из состава Общей думы, которая занималась составлением законов (приговоров) избиралась Распорядительная Дума для внедрения этих законов в жизнь (позже переименована в Городскую управу). Сословных старшин, их товарищей, городского секретаря, членов Распорядительной думы, казначеев утверждал в их должностях московский генерал-губернатор. На должность городского головы, председательствовавшего как в Общей думе, так и в Распорядительной думе, в 1860-х годах требовалось избирать не менее двух лиц, окончательный же выбор из них оставался за генерал-губернатором. Первые выборы Общей думы состоялись в 1863 году.

В Шестигласной думе заседало, главным образом, купечество. Теперь же она стала всесословной. Выборы городского головы состоялись 16 марта 1863 года в большом зале Российского Благородного собрания. Все хоры были заполнены зрителями. Из шести претендентов на должность городского головы И. Ф. Мамонтов снял свою кандидатуру. Первый баллотировался И. А. Лямин. За него было опущено 199 избирательных шаров и 262 неизбирательных. Следующий – Г. И. Хлудов («за» – 278, «против» – 183), князь А. А. Щербатов («за» – 338, «против» – 123), А. И. Кошелев («за» – 156, «против» – 305), И. В. Селиванов («за» – 82, «против» – 379). Гвардии поручик князь Александр Алексеевич Щербатов был утвержден генерал-губернатором как председатель новой Думы, основанной на началах истинного самоуправления и всесословности.

Шесть лет прослужил князь московским городским головою, трудясь на благо Первопрестольной. «Все мы, все без исключения, – вспоминал он, – были люди новые на том поприще, на котором были призваны действовать».

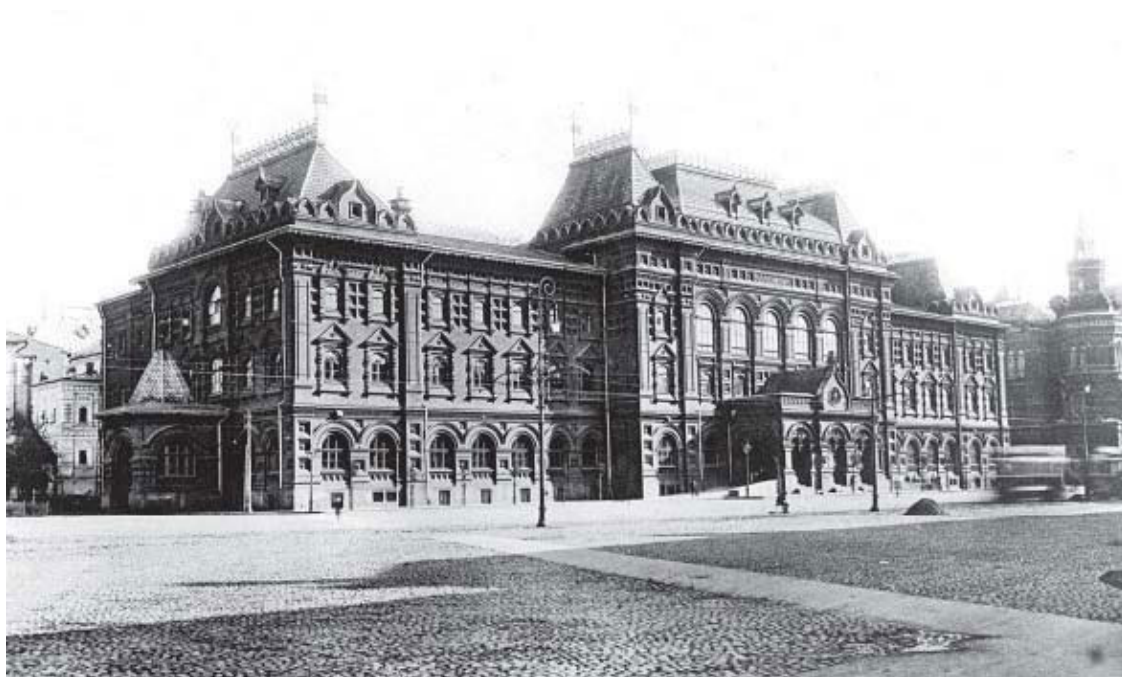
Дума ведала образованием, общественным призрением, освещением, водопроводом и санитарным состоянием города, арендой земли и множеством других дел. При А. А. Щербатове город самостоятельно выстроил Бородинский мост и начал перестройку всех деревянных мостов, превратил полуразрушенные Титовские казармы в благоустроенную больницу, заново отстроил Хамовнические казармы, перевел на городские окраины и оборудовал бойни, устроил дополнительный водопровод из Ходынских ключей, ввел газовое освещение, определил точные границы Москвы, открыл более десятка городских училищ в бедных районах...

Сословное основание выборов просуществовало недолго, до нового Городского положения 1870 года. Бесспорно, самым выдающимся городским головой был купец и благотворитель Николай Александрович Алексеев, занимавшийся благоустройством Москвы на этой должности в 1885–1893 годах. Его настойчивость и энергия проявлялась во всех городских делах, и, в особенности, в переоборудовании устаревшего для столь большого города водопровода и устройстве канализации. «Больницы, школы, другие разные отрасли городского управления, – вспоминал М. М. Богословский, – всюду проникал его зоркий хозяйский глаз, всюду слышался его громкий голос, везде он был энергичным решительным организатором, живо схватывавшим суть дела, быстро соображавшим и находившим средства к осуществлению задуманного». Алексеев погиб на своем посту – был смертельно ранен душевнобольным во время приема посетителей в Думе.

Последние значительные изменения выборной системы появилось в Городском положении от 17 июня 1892 года. По нему Москва была разделена на шесть избирательных участков, в каждом из которых выбирали от 25 до 28 гласных. В гласные могли баллотироваться

только избиратели, проживавшие на территории данного участка. Голосовали и могли быть избранными мужчины, достигшие 25 лет. Женщины в выборах вовсе не участвовали. Городской голова избирался из гласных не моложе 30 лет и имевших не менее 15 тысяч рублей капитала. Предвыборной агитации почти не существовало. И в этом не было нужды – про каждого местного жителя и так знали всю подноготную. Лишь с 1905 года разрешили предварительные собрания кандидатов в гласные с местными жителями. Но было оговорено, что на собрании имеют право присутствовать только избиратели данного участка.

Шестигласная, а потом и Общая дума размещались в доме Губернских присутственных мест на месте, ныне занятом Государственным Историческим музеем. Распорядительная дума (Городская управа) занимала шикарное помещения в доме графа Шереметева на Воздвиженке. «В этих богатых хоробах, – вспоминал В. Голицын, – копошился персонал, далеко не отвечавший им, и более подходящий к тем закоулкам и чуланчикам, в которых помещалась бывшая Шестигласная дума в здании присутственных мест у Иверских ворот».

Здание Московской думы на Воскресенской площади

Под одной крышей Московская дума и Городская управа стали жить с мая 1892 года, когда было закончено постройкой здание на Воскресенской площади, в советские годы отданное под Музей В. И. Ленина. На первом этаже размещались телеграфная и телефонная комнаты, регистратура, казначейство, строительное отделение и отдел по сборам городских налогов, бухгалтерия и 5-е отделение Городской управы. Широкая лестница вела на второй этаж, где находились главный и малый залы для заседаний, 2-й, 3-е, 7-е и 9-е отделения Городской управы и оценочная комиссия. Третий этаж занимали водопроводное и канализационное отделения, архив, контрольное отделение и присутствие по воинской повинности. В подвальном этаже со сводчатым потолком помещалось отопительное оборудование, запас топлива и были жилые помещения курьеров.

Пятнадцать лет Московская дума просуществовала в новом здании. Но Октябрьская революция покончила с выборными органами самоуправления, заменив их подконтрольным кремлевским комиссарам Моссоветом и руководством Московским городским комитетом Коммунистической партии.

Жилище

*Город чудный, город древний,
Ты вместил в свои концы
И посадки, и деревни,
И палаты, и дворцы!*

Ф. Н. Глинка

Археологи, работая бок о бок с геологами на месте древнейшего поселения на территории современной Москвы – Дьякова городища (Коломенское), подвергли свои находки – кости животных, остатки деревянных построек, украшения, да и саму почву радиоуглеродному анализу. Оказалось, что первое поселение людей здесь появилось в VI–VII веках до нашей эры. Скорее всего, тогда здесь обитали финно-угорские и балтийские племена.

В далекий железный век жилища первых «москвичей», которые ушли из этих мест по непонятным причинам задолго до появления на Боровицком холме и в его окрестностях первых славянских поселений, представляли собой несколько столбов, соединенных между собой переплетенными ветками. Эти «шалаша» окружали пастбища и березовые, липовые, сосновые, дубовые леса. Засевали «дьяковцы» две с половиной тысячи лет назад свои поля пшеницей, ячменем и просом. Ловили в Москве-реке (хотя тогда у нее наверняка было другое название) щуку, сома, судака, стерлядь. Изготавливали глиняную, деревянную и берестяную посуду.

Конечно, не следует думать, что на территории нынешней Москвы в эпоху каменного и бронзового веков местным жителям было тесно. Одновременно здесь проживало, по подсчетам археологов, не более ста человек, что подтверждают исследования остатков могильников в Давыдовке, Спас-Тушине и на Фестивальной улице.

Около трех тысячелетий назад, в эпоху железного века, в пойме Москвы-реки стали селиться земледельцы. Ныне насчитывается около десяти городищ этого времени, в каждом из которых проживало до ста человек. Современный человек может удивиться: зачем при такой малочисленности населения взваливать на себя тяжелый труд – обрабатывать почву? Вокруг же столь привольно и всего довольно! Хочешь – охоться на бобра, глухаря, рябчика, лося. Хочешь – лови стерлядь и щуку. Хочешь – собирай лесную ягоду, орехи, грибы. Но людям, наверное, надоедает вечно бродить по свету в поисках добычи, оставаясь бесприютным. Вот они и устраивают себе более прочные и более теплые жилища, в которых собираются дожить до конца своих дней, а вокруг распахивают землю, чтобы всегда про запас была пища и для своей семьи, и для домашнего скота.

Можно быть уверенными, что дома первых жителей города Москвы в XII–XV веках мало чем отличались от бревенчатых изб новгородцев, киевлян или суздальцев. Печи у большинства горожан топились по-черному (без трубы, дым выходил в отверстие в крыше), маленькие окна, соломенные крыши. Изба русского крестьянина почти без изменений дошла до XVIII и даже XIX века. А вот дома знатных москвичей с течением времени постоянно совершенствовались.

В начале XVII века жилище московского боярина представляло собой громадный двор, окруженный высокой бревенчатой или кирпичной стеной. Над главными воротами, разукрашенными резьбой и башенками с расписными дверцами, в киоте помещалась икона.

Четырехугольный деревянный дом боярина был сложен из дубовых брусьев с умением, без единого гвоздя для скрепы. Все щели были проложены мхом для тепла. В первом этаже, подклети, жили холопы, второй занимала хозяйская семья. Обширные теплые сени соединяли дом с соседним – покоями боярский сыновей. Над горницей и сенями шел третий этаж – высо-

кий терем для боярыни с боярышнями. Крытые переходы соединяли хоромы с домовою церковью. По всему двору были разбросаны амбары, клетки, конюшни и мыльня. Много места занимал тенистый сад, где между рядами яблонь и груш росли в грядках овощи, в парниках дыни, а возле изгороди черемуха, калина и горькая рябина.

Шелковые ткани, по большей части красных цветов, расшитые золотом, покрывали лавки, скамьи, дубовые с резьбою столы. Солнечные лучи, проникая сквозь разноцветные стекла, играли на серебряных паникадилах в столовой палате, на зеленой муравленой печи, обитых красной кожей стенах и расписном потолке. Дорогие пушистые ковры лежали на полу. На маленьких пестрых столиках были разложены для украшения различные вещицы: серебряные яблоки, позолоченный мужичок, костяной городок с башнями, часы с затейливыми фигурками. Но ни зеркал, ни картин не допускал благочестивый боярин в своих покоях, так как духовенство не одобряло этих заморских украшений.

В 1660—1670-х годах своей необычностью выделялся дом князя Василия Васильевича Голицына, стоявший за высокой оградой недалеко от Тверской улицы, резко выделяясь среди других строений своей величиной и изяществом. Крыша боярских хором была покрыта медными листами. Внутри тоже многое было устроено на иноземный лад. В столовой палате – дорогие ковры, живопись. На потолке изображено нечто, похожее на небо с солнцем, планетами и звездами, а вокруг в позолоченных ободках, искусно вырезанных из дерева, целый ряд изображений пророков. Сверху спускается оригинальная люстра с шестью подсвечниками, которую как бы поддерживает золоченая голова лося. Стены отделаны под мрамор, окна частью расписаны, на стенах зеркала в золоченых резных и черепачовых рамах. Кое-где в простенках висели индийские и персидские ковры с золотыми и серебряными узорами на красном шелковом фоне. Посреди комнаты стояли столы со скамьями вокруг, обитые красным гамбургским сукном, и огромный, весь резной шкаф для серебряной посуды.

В кабинете хозяина, отделенного от столовой несколькими переходами, стены частью были завешаны кожами немецкой работы. Кругом портреты царей в дорогих рамах, ниже *шпалеры* – изображения из охотничьей жизни, как видно, вывезенные из заграницы. В углу стояли клавикорды, далее на особой подставке орган. В простенках между окон были развешаны географические карты. Множество небольших тумбочек, столиков, шифоньерка. На них – поставцы, шкатулки, янтарный ящичек. Около двери висел термометр в тонкой резной раме.

Дом богатого москвича, но не столь знатного, как В. В. Голицын, в конце XVII–XVIII веке представлял собой бревенчатый пятистенник, одна половина которого – светлица с «каморкой» (семейное помещение с особой спальней) и вторая половина – светлица для гостей. В гостиной – оштукатуренный потолок, выстланный каменной лещадью пол, украшенная зелеными изразцами печь. На стенах зеркала, по стенам стулья и лавки, посередине один или два дубовых стола, покрытых ковровыми скатертями. При доме обязательно был сад и огород, конюшни и кладовые. Во дворе в просторном месте, где не держали никакого хлама, соломы и рогож, ставили печь, на которой готовили кушанья и грели воду для хозяйственных нужд.

«В империи вашей, – сказал один иностранный посол, желая польстить Екатерине II, – сильный не унижает слабого, и Москва это доказывает. Там убогий домик стоит спокойно близ великолепных палат». Это лицемерное заявление можно отнести не только к XVIII, но и к XIX веку, и даже первой половине XX века, когда рядом с роскошными особняками, в которых в просторных залах скучали несколько сот праздных богачей, ютились холодные и сырые полуподвальные домишки и бараки, где обитало рабочее население первопрестольной столицы.

Поэт Петр Вяземский с непонятным умилением писал:

Здесь чудо – барские палаты
С гербом, где вписан знатный род.
Вблизи на курьих ножках хаты

И с огурцами огород,
Поэзия с торговлей рядом,
Манчестер ворвался в Царьград,
Паровики дымятся смрадом,
Рай неги и рабочий ад.

Но это соседство было неприятно знатному люду, и, в конце концов, в нашем XXI веке «господа» добились своего – рядом с их жилищами, окруженными заборами и охранниками, не увидишь поселений бедноты.

Говорить что-то общее о московском жилище XIX века невозможно – настолько различались между собой дома вельмож, купцов, ремесленников, крестьян, во множестве проживавших на окраинах города, и фабричных рабочих. Вот лишь несколько характеристик московского дома.

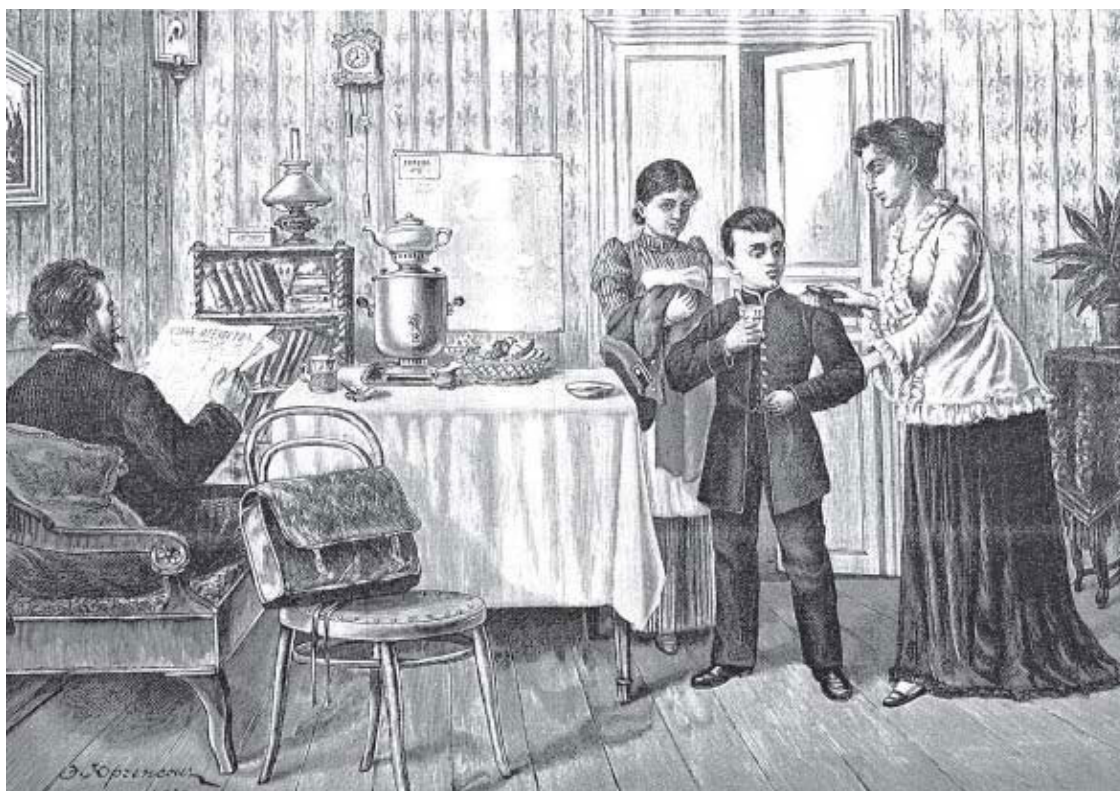

Купеческий дом в Рогожской слободе 1850-х годов: «Дом у нас был обставлен хорошо. Всюду ценная мебель красного дерева, работы известного мастера Пика, ковры, зеркала, а в комнате матери на полу лежали пушистые, выделанные медвежьи шкуры» (П. Богатырев «На долгом пути»).

А вот свидетельство Н. Скавронского о доме богатого старовера Рогожской слободы того же времени: «Меня встретили две собаки – одна цепная, другая вольная, – встретили и проводили громким лаем. Двор зарос травой, в стороне лежала налитая доверху помойная яма, посредине было вырыто что-то вроде погреба с низенькою над ним деревянною построй-

кою, окрашенную в дикую краску, в стороне стояли ветхие сараи, оштукатуренные, с деревянными затворами, выкрашенные также дикой краской. Мельком взглянув на все это, я вошел на крыльцо, на ступенях которого стояла лужами вода, вошел в комнаты и уже вполне почувствовал, что я среди нового, мне мало ведомого мира. Первое, что бросилось в глаза, – это лежанка из больших, старинных, с синими каемками изразцов, потом пустые желтые стены, затянутые по углам паутиною, потом старинные образа и рукописные молитвы, потом узкие окна со ставнями, с соломенными плетенками между рам, чтобы не проникал сквозь них взор проходящих. Замкнутость и обстановка старого упорного быта были во всех своих атрибутах пред глазами; они сказывались во всем: в мелких комнатах, похожих на клетушки, в разных потаенных шкапиках для разного снадобья, в широких, чисто строганных и вымытых по старинному обычаю с белой глиной полах...»

В этой купеческой и мещанской части Москвы каждый отгораживался от соседа глухими длинными заборами, за которыми раздавался лай злых собак. Ворота почти всегда были на запоре, занавески завешаны. «Дом или домишко похож на крепостицу, приготовившуюся выдержать долговременную осаду», – писал о Замоскворечье В. Г. Белинский.

«Как хороши были старые московские особняки внутри большого тенистого сада, – ностальгически восклицал, вспоминая дворянские усадьбы, Николай Львов, – с их флигелями и сараями в глубине двора. Сколько прелести в старой мебели из красного дерева, обшитой бархатным штофом, и в глубоких креслах, покрытых зеленой кожей, и в этих старых портретах в золоченых рамах, которые казались детям такими страшными, точно ночью дедушка может выйти из рамы и в своем синем халате прийти наверх, в детскую комнату! Как хорошо было в няниной комнате! Как пела у нее желтая канарейка в клетке, и ее веселый треск разливался по всему коридору! О, эти особняки и старые усадьбы, создававшие русскую женщину с такой теплотой материнского чувства, с такой кротостью и покорностью, что казалось, ей предназначено пройти свой жизненный путь, не касаясь земли ногою! Эти старые усадьбы с белыми колоннами и тенистыми липовыми аллеями – Ивановки, Михайловки, Петровки – и москов-

ские особняки в переулках возле Арбата, с Собачьей площадкой и с Поварской, отложившие на русской жизни свой глубокий отпечаток идеализма, давшие поколения людей с возвышенными мыслями, бескорыстных в своих побуждениях и искренних в своих чувствах!..»

Подобных воспоминаний о милых московских дворянских пенатах тысячи. Но все они об одном и том же – о тихой и беспечной жизни в «дворянском гнезде», о диванах огромного размера, свечах в бронзовых подсвечниках, о балах и карточной игре на вымытых дворней полах.

Но денег у большинства дворян, умеющих только тратить, но не зарабатывать деньги, становится все меньше, и дома их меняют свой облик, жизнь во многих из них затихает. «Ныне в присмирившей Москве, – пишет Пушкин в 1835 году, – огромные боярские дома стоят печально между широким двором, заросшим травой, и садом, запущенным и одичалым. Под вызолоченным гербом торчит вывеска портного, который платит хозяину тридцать рублей в месяц за квартиру; великолепный бельэтаж нанят мадамой для пансиона – и то слава Богу! На всех воротах прибито объявление, что дом продается или отдается внаймы, и никто его не покупает и не нанимает».

Жилище, созданное исключительно для отдохновения от вечной скуки, хоть и красиво внешне, несет на себе антигуманистический отпечаток. Поэтому птичники с павлинами, зимние сады с пальмами, фонтаны с мраморными нимфами и театр с крепостными артистами в усадьбах Юсупова и еще нескольких человек, ему подобных по богатству, не достоинство, а, скорее, укоризна городу, и можно лишь приветствовать разорение этих «дворянских гнезд». Существовали даже дома, большинство комнат которых вовсе были без окон, так как они предназначались исключительно для ночной жизни и дневного сна. Например, дом Гурьевых на Тверской улице, неподалеку от Страстной площади, в котором жил богач и гастроном Гурьев, изобретатель гурьевской каши и гурьевских блинов. Тоже и другой дом поблизости, принадлежавший известному обжоре и развратнику Рахманову. Каждая его комната имела свой стиль. Столовая была вся дубовая, с массивной резной дубовой мебелью. Зала и другие приемные комнаты были отделаны в стиле рококо. За ними следовали комнаты в помпейском стиле, где на стенах были воспроизведены копии помпейских фресок. Мебель и лампы в этих комнатах тоже в древнеримском стиле. Из них вела дверь в замкнутый со всех сторон глухими стенами палисадник, оканчивавшийся павильоном тоже в помпейском стиле, где и происходили оргии хозяина дома.

Одновременно с этими особняками в Москве существовали ночлежные дома и коечно-каморочные квартиры. В вонючих холодных комнатах с низкими потолками, где нельзя выпрямиться высокому человеку и где за стенами, покрытыми вечной сыростью, ютилась чуть ли не половина жителей города, роскошью считалось, если у человека имелась собственная койка. Вечная мечта простолюдина – деревянный дом с мезонином где-нибудь возле Сухаревой башни, корова в сарае, куры и индюк. Но, увы, это неприхотливое жилище было не по карману большинству.

По переписи 1882 года в Москве насчитывалась 15 тысяч застроенных владений на 753 тысячи человек. Таким образом, на каждое жилое здание приходилось в среднем 50 человек. Во всех зданиях насчитывалось 70 330 жилых квартир, в которых помещалось 625 400 человек. Еще 102 тысячи человек помещались в 3870 «общежитиях» – гостиницах, ночлежных домах, богадельнях и т. п. Кроме того, 21 тысяча человек проживала в помещениях присутственных мест и разных общественных учреждений. В среднем в каждой московской квартире проживало 9 человек (в Петербурге – 7, в Париже – 3). Такая значительная плотность заселения объясняется значительным рабочим населением города, состоявшим, главным образом, из пришлых земледельцев, живших здесь без семьи, артелями в бараках. Следует также добавить, что 10 % всех квартир составляли подвальные помещения.

«Квартирный кризис мертвой петлей охватил довольно широкие слои столичного населения, – констатировала в 1909 году Московская дума. – Но есть обыватели, имеющие полное право считать себя еще в более худшем положении. Это именно обитатели коечно-каморочных квартир и дореформенных ночлежек Хитрова рынка, несмотря на все меры, предпринимавшиеся доселе городским управлением, продолжающих оставаться теми же подобиями клоак, вредных и в нравственном, и в санитарном отношении».

Москва в жилищном хозяйстве навсегда осталась городом невероятных контрастов.

Изменчивость погоды

Год на год не приходится.

Пословица

Жизнь появилась на Земле, по словам ученых, более 900 миллионов лет назад (архейская эра). Но бурное участие в развитии Земли и, в первую очередь, ее климата, растительный и животный мир стал принимать 325 миллионов лет назад (палеозойская эра). Сравнительно недавно, по сравнению с предыдущими цифрами, 25 миллионов лет назад, температура воздуха стала понижаться, и сейчас мы живем в одну из холодных эпох. В последние два миллиона лет средняя температура продолжала колебаться в пределах десяти градусов, отчего то Северный Ледовитый океан почти полностью освобождался ото льда, то Европу сковывал ледниковый панцирь. Последнее значительное потепление началось примерно 15 тысяч лет назад, когда вечная мерзлота отступила на несколько сот километров в Сибири и Северной Америке, а Европа полностью освободилась от нее.

Прежде всего надо отметить, что следует отличать погоду – состояние атмосферы (ясность, облачность, температура воздуха, влажность и т. п.) в данном месте, в данное время от климата – многолетнего режима погоды, свойственной той или иной местности.

Климат последнего тысячелетия, когда появился и стал набирать силу город Москва, тоже можно разбить на несколько периодов. Сравнительно теплыми оказались VIII–XIV века. Древние викинги на легких суденышках достигали Гренландии и устраивали там поселения. Похолодание на 1,3–1,4 градуса приходится на IV–IX века, когда полярные льды сковали побережье Гренландии и Исландии, а горные ледники в Альпах заняли обширные пространства. Новое потепление началось во второй половине XIX века и достигло своего максимума в 1930–1940 годы. На территории Руси, особенно в ее центре, где возвышалась Москва, колебания климата почти не ощущались.

Чудесен своей природою, зверем, птицею, дарами леса был дремучий московский край. Воды в достатке и для утоления жажды, и для земледелия. Ни тебе вулканов, ни разрушительных смерчей. Хотя сильные ветры все же случались. Но ветер взбесится – лишь с плохой хаты сорвет крышу. Кто дом строил на совесть, из соснового леса московских окрестностей, тому не были страшны ни дождь, ни ветер. Хороший дом спасет и в лютый мороз, который «и железо рвет, и на лету птицу бьет». Тяжелее всего пережить зиму. Но вот подходит она к концу. Наступает март с водою, апрель с травой и май с цветами. «Не пугай, зима, – весна придет! Не страши, непогода, – солнышко ведет ведрышко!» – говорил народ.

Добрые радостные чувства всегда вызывало «светило из светил» – Солнце. Оно пригревает землю-кормилицу, заливают весь мир светом, радуется теплом непривычное к холоду тело человека. За эту службу ему почет и уважение: «Что мне золото – светило бы солнышко», «Не страши, непогода, солнышко ведет ведрышко», «Ото всех уйдешь кривыми путями-дорогами, только не от очей солнечных».

Но не вздумай прогневить красно солнышко! Это было давно, гласит предание, когда еще не было Солнца на небе, и люди жили в потемках. Но вот выпустил Бог из-за пазухи Солнце, все смотрят на него и дивятся. А пуще всех – бабы. Повынесли они решета, давай набирать света, чтобы осветить хаты. Хаты тогда еще без окон строились. Поднимут решето к Солнцу, свет льется через край, а только внесут его в хату – нет ничего! А Солнышко все выше и выше поднимается, уже припекать стало. Вздурили бабы – сильно притомились за работой, хоть света не добыли. А тут еще сверху жжет. И вышло такое окаянство: начали они на Солнце плевать. Бог прогневался и превратил нечестивых в камень...

О Солнце, Луне, звездах нельзя слова дурного вымолвить – от них польза человеку. «Красна солнышка мне не взвидеть!» – клялись в Древней Руси.

Другое дело гроза, вихрь, землетрясение, наводнение, засуха – они приносили несчастье. «С огнем не шути, с водой не дружись, ветру не верь». Беда тому, кто затеет с ними ссору, предостерегали старики молодежь.

Первые достоверные сведения о русской погоде содержатся в летописях, где отражаются исключительные явления природы, перед которыми человек чаще всего оказывался совершенно безоружным.

991 год: «Наводнение многое и много зла сотвори».

994 год: «Жары вельми тяжкие».

1002 год: «Дожди мнози... умножение плодов всяческих».

1028 год: «Знамение змеевидное явилось в небе [по-лярное сияние], так что видно было его отовсюду».

1088 год: «Земля стукнула [землетрясение]. Знамение в солнце. Великий змей от небес».

1107 год: «Тряслася земля перед рассветом ночью».

1128 год: «Бысть вода велика, в Волхове потопа люди и жита и хоромы снесе».

1135 год: «Прогремел гром зимой, и много вреда учинил».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.